УТВЕРЖДЕН
президиумом Арбитражного суда
Уральского округа
«22» мая 2026 года

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ АРБИТРАЖНОГО СУДА УРАЛЬСКОГО ОКРУГА

№ 1(2026)[1]

Споры, связанные с применением гражданского законодательства — стр. 2–12 (№ 1–6)

Споры, связанные с применением законодательства о банкротстве и корпоративного законодательства — стр. 12–26 (№ 7–14)

Рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений — стр. 26–33 (№ 15–18)

Споры, связанные с применением процессуального законодательства — стр. 33–41 (№ 19–23)

[1] Обзор составлен по состоянию на 31.03.2026 и включает в себя судебные акты, принятые Арбитражным судом Уральского округа в I квартале 2026 года.

Споры, связанные с применением гражданского законодательства

1. Применение банком в отношении продавца мер, предусмотренных законодательством о противодействии легализации доходов, повлекших ограничение операций по его расчетному счету, не относится к обстоятельствам непреодолимой силы и не освобождает его от ответственности за неисполнение обязательства по поставке товара, а также не влияет на обязанность возместить покупателю убытки, причиненные таким неисполнением, включая убытки в виде разницы между ценами в прекращенном и замещающем договорах.[2]

Пункты 1, 2 статьи 393.1, пункт 3 статьи 401, пункт 1 статьи 404, пункт 1 статьи 524 Гражданского кодекса Российской Федерации[3].

Между предпринимателем (покупатель) и обществом (продавец) заключен договор поставки драгоценных металлов, во исполнение которого покупателем внесена предварительная оплата, однако обязательство по передаче товара продавцом не исполнено, в связи с чем уплаченные денежные средства взысканы с продавца в судебном порядке. Впоследствии покупатель заключил замещающий договор поставки аналогичного товара с другим поставщиком по более высокой цене и обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании с продавца убытков, составляющих разницу между ценами, установленными в первоначальном и замещающем договорах.

Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении иска отказали, указав, что продавец не мог предвидеть применение к нему банком мер, предусмотренных Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[4], повлекших ограничение операций по его расчетному счету. Суды пришли к выводу, что убытки относятся к предпринимательскому риску истца, а причинно-следственная связь между действиями ответчика и возникшими убытками отсутствует.

Суд округа отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение на основании следующего.

Положениями пункта 1 статьи 393.1, пункта 1 статьи 524 ГК РФ предусмотрено, что в том случае, если после расторжения договора вследствие нарушения обязательства продавцом покупатель купил у другого лица по более высокой, но разумной цене товар взамен предусмотренного договором, покупатель может предъявить продавцу требование о возмещении убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделке.

---

[2] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.03.2026 по делу № А60-19603/2025.
[3] Далее – ГК РФ.
[4] Далее – Закон № 115-ФЗ.

Обязанность доказывания недобросовестности покупателя при заключении замещающей сделки возложена на продавца, а в случае непредставления им соответствующих доказательств предполагается, что покупатель действовал разумно и добросовестно (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307, пункты 1, 2 статьи 393.1, пункт 1 статьи 404 ГК РФ).

В силу пункта 3 статьи 401 ГК РФ по общему правилу лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств.

С учетом указанной нормы применение банком в отношении ответчика мер, предусмотренных Законом № 115-ФЗ, и отсутствие у ответчика денежных средств для приобретения товара с целью последующей его передачи истцу не может быть отнесено к обстоятельствам непреодолимой силы.

В рассматриваемом случае ответчик не представил доказательств недобросовестности или неразумности действий истца при заключении замещающей сделки, а также доказательств несоответствия ее цены текущей цене на сопоставимые товары.

Суды нижестоящих инстанций, возложив на истца бремя доказывания обстоятельств, которые в силу закона презюмируются и подлежат опровержению ответчиком, неправильно распределили бремя доказывания, что привело к преждевременному отказу в иске.

2. При взыскании с собственника жилых помещений в многоквартирных домах платы за коммунальные услуги с применением повышающего коэффициента к нормативу потребления в связи с отсутствием индивидуальных приборов учета суду надлежит помимо прочего установить, является ли ресурсоснабжающая организация исполнителем коммунальных услуг (действуют ли прямые договоры), поскольку право на получение повышающего коэффициента принадлежит именно исполнителю коммунальных услуг. При разрешении такого спора оценке также подлежит поведение обеих сторон на предмет добросовестности и принятия мер по установке приборов учета, что может влиять на размер ответственности.[5]

Статьи 65, 71, 168 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[6];

[5] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.12.2025 по делу № А47-13471/2023.
[6] Далее – АПК РФ.

пункты 9, 42 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354[7].

Общество, являющееся гарантирующей организацией для централизованной системы холодного водоснабжения и водоотведения на территории муниципального образования, обратилось в арбитражный суд с иском к органу местного самоуправления о взыскании платы за холодное водоснабжение в жилых помещениях, находящихся в собственности муниципального образования, начисленной с применением повышающего коэффициента к нормативу потребления. Исковые требования мотивированы отсутствием в спорных жилых помещениях индивидуальных приборов учета[8] при наличии технической возможности их установки.

Суды первой и апелляционной инстанций, установив отсутствие ИПУ и непредставление ответчиком доказательств отсутствия технической возможности их установки, признали начисление повышающего коэффициента правомерным и подлежащим взысканию с собственника помещений – муниципального образования.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В силу статей 65, 71, 168 АПК РФ проверка расчета иска на соответствие подлежащим применению нормам законодательства и правовым подходам высших судебных инстанций входит в стандарт всестороннего и полного исследования доказательств. Такая проверка предполагает анализ всех оснований возникновения задолженности, произведенных начислений и оснований для их корректировки, соответствующих установленным обстоятельствам и нормативному регулированию.

Признавая расчет истца верным, суды не приняли во внимание, что настоящий спор носит расчетный характер, в связи с чем оценке подлежат все основания определения объема и стоимости коммунальных услуг и применяемая методика их расчета. Суд первой инстанции не проверил расчет истца, не определил размер норматива потребления коммунальной услуги и первичные данные, на которых основан расчет, не проверил методику расчета цены иска, суд апелляционной инстанции, в свою очередь, указанные нарушения не устранил.

Кроме того, судами не учтено, что в силу пункта 42 Правил № 354 правом на получение с собственника жилого помещения в многоквартирном доме платы за коммунальные услуги в размере повышающего коэффициента к нормативу потребления обладает исполнитель коммунальных услуг. Исполнителем может являться как управляющая организация, так и ресурсоснабжающая организация в случаях, предусмотренных частью 18 статьи 12 Федерального закона от 29.06.2015 № 176-ФЗ – при наличии решения

[7] Далее – Правила № 354.
[8] Далее – ИПУ.

о сохранении порядка предоставления коммунальных услуг и расчетов за них при изменении способа управления, частью 17 статьи 12 названного Закона – при наличии соответствующего договора ресурсоснабжения, либо частью 1 статьи 157.2 Жилищного кодекса Российской Федерации – при наличии решения о переходе на прямые договоры (пункт 9 Правил № 354).

Вывод судов о наличии прямых договоров между нанимателями жилых помещений в многоквартирных домах и истцом сделан без исследования способов управления многоквартирными домами, в которых расположены спорные жилые помещения, наличия (отсутствия) соответствующих решений собственников помещений о переходе на прямые договоры оказания коммунальных услуг, о сохранении порядка предоставления коммунальных услуг и расчетов за них при изменении способа управления или о выборе управляющей организации. Указанные обстоятельства для разрешения спора имеют существенное значение, поскольку связаны с рассмотрением вопроса о праве истца на иск, направленный на взыскание денежных средств за счет бюджета муниципального образования.

При разрешении спора судами также не принято во внимание, что обязанность по оборудованию помещений ИПУ подлежала исполнению их собственниками до 01.07.2012, после указанной даты соответствующая неисполненная обязанность субсидиарно возложена на ресурсоснабжающие организации со сроком исполнения до 01.07.2013 (части 5, 12 статьи 13 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ). Таким образом, потребитель и ресурсоснабжающая организация должны быть в равной степени заинтересованы в оснащении энергопотребляющих объектов приборами учета энергоресурсов.

Установление повышающих коэффициентов к нормативу потребления коммунальной услуги выполняет превентивную функцию, стимулируя абонента к оборудованию объектов ИПУ и возлагая на него неблагоприятные финансовые последствия уклонения от такой обязанности. Повышающий коэффициент подлежит применению только при виновном поведении собственника, когда отсутствуют объективные технические препятствия для установки ИПУ, тогда как при наличии таковых повышающий коэффициент не применяется (подпункт «а(1)» пункта 4, пункты 7(1), 22(2), 23(2), 26(1), 28(1) приложения № 2 к Правилам № 354).

Таким образом, в отношении повышающего коэффициента как имущественной санкции за нарушение правил установки ИПУ должен быть обеспечен судебный контроль, не допускающий извлечение преимуществ из недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1, статья 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ). Необходимость такого контроля обусловлена также тем, что законодатель, видя неисполнение собственниками обязанности по установке ИПУ, возложил аналогичную обязанность на ресурсоснабжающие организации как на сильных субъектов правоотношений. Однако это не снимает обязанности по установке ИПУ с собственников, а возложение этой обязанности на ресурсоснабжающие организации является вынужденной

реакцией государства на бездействие лиц, на которых она была возложена первоначально.

С учетом изложенного при новом рассмотрении дела суду надлежит исследовать вопрос о наличии у истца статуса исполнителя коммунальных услуг, проверить расчет задолженности, определить методику начисления, размер норматива и первичные данные, на которых он основан, а также дать оценку поведению обеих сторон относительно действий (бездействия) по установке ИПУ, что может влиять на размер ответственности.

3. Право на льготный размер арендной платы в пределах 2% кадастровой стоимости при переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования распространяется только на ту часть земельного участка, которая ранее находилась у арендатора на указанном праве, и не подлежит применению к площади, сформированной за счет земель из иных источников.[9]

Пункт 2 статьи 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»[10].

Орган местного самоуправления обратился в арбитражный суд с исками к нескольким собственникам объектов недвижимости, расположенных на едином земельном участке, о взыскании задолженности по договору аренды. Ответчики предъявили встречные иски о признании незаконными расчетов арендной платы и обязании произвести перерасчет арендной платы по льготной ставке, ссылаясь на то, что договор аренды заключен в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования, ранее принадлежавшего их правопредшественнику.

Суд первой инстанции признал обоснованным требование о взыскании задолженности по договору аренды, однако произвел ее расчет исходя из льготной ставки в размере 2% от кадастровой стоимости земельного участка, применив положения пункта 2 статьи 3 Закона № 137-ФЗ. Суд апелляционной инстанции согласился с указанными выводами.

Суд округа отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, исходя из следующего.

По смыслу пункта 1 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, пункта 3 статьи 552 ГК РФ и разъяснений, изложенных в пункте 29 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019, при отчуждении объекта недвижимого имущества его покупатель в силу прямого указания закона приобретает право пользования земельным участком, занятым объектом недвижимости, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний его собственник, и тем самым принимает права и обязанности арендатора земельного участка, и если продавец

---

[9] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.01.2026 по делу № А60-42029/2024 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2026 № 309-ЭС26-1995 отказано в передаче дела на пересмотр).

[10] Далее – Закон № 137-ФЗ.

недвижимости оплачивал регулируемую арендную плату земельного участка, на котором расположена эта недвижимость, по льготной ставке, то для покупателя недвижимости размер арендной платы сохраняется также с учетом применения льготы.

В силу пункта 2 статьи 3 Закона № 137-ФЗ льготный размер арендной платы (не более 2% кадастровой стоимости) устанавливается исключительно в отношении земельных участков, право постоянного (бессрочного) пользования на которые было переоформлено на право аренды. Данная льгота не подлежит автоматическому распространению на весь земельный участок, если он сформирован не только из земель, ранее находившихся у арендатора на праве постоянного (бессрочного) пользования, но и за счет земель, предоставленных из иных источников (например, земель запаса).

В данном случае земельный участок, предоставленный в аренду правопредшественнику ответчиков, сформирован из нескольких источников: части участка, ранее принадлежавшей правопредшественнику на праве постоянного (бессрочного) пользования, и дополнительной площади за счет земель запаса, а также земель, изъятых у третьего лица. Доказательств того, что земли запаса и изъятые у третьего лица земли ранее находились у арендатора на праве постоянного (бессрочного) пользования и переоформлены в установленном порядке, материалы дела не содержат.

При таких обстоятельствах оснований полагать, что договор аренды заключен в порядке переоформления права (постоянного) бессрочного пользования всего участка, не имеется, ввиду чего предпосылки для применения льготной арендной платы ко всему участку отсутствуют. В сложившейся ситуации арендная плата должна рассчитываться пропорционально: в отношении части участка, переоформленной из права постоянного (бессрочного) пользования, – в пределах 2% кадастровой стоимости, в отношении остальной части – исходя из нормативно установленной платы.

При новом рассмотрении дела суду надлежит определить пропорцию, в которой участок состоит из земель, переоформленных из постоянного пользования, и иных земель, и произвести расчет арендной платы для каждого из арендаторов пропорционально площади принадлежащих им объектов недвижимости с применением надлежащих ставок.

4. При рассмотрении спора о взыскании платы за обращение с твердыми коммунальными отходами[11] распределение бремени доказывания факта неоказания или ненадлежащего оказания услуг определяется в зависимости от факта включения (невключения) места накопления отходов и (или) источника образования отходов в территориальную схему обращения с отходами. Заключение потребителем договоров на вывоз отходов с иными лицами, не

[11] Далее – ТКО.

имеющими статуса регионального оператора, не освобождает его от обязанности по оплате услуг регионального оператора.[12]

Пункт 5 статьи 24.7 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»[13]*;*

пункты 14-16 Обзора судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023[14].

Региональный оператор обратился в арбитражный суд с иском к предпринимателю о взыскании задолженности по оплате услуг по обращению с ТКО. Истец указал, что в связи с отсутствием подписанного сторонами договора услуги оказывались на условиях типового договора, а отходы вывозились с близлежащей контейнерной площадки, включенной в реестр мест накопления ТКО.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований, указав, что истец не доказал включение объектов ответчика в территориальную схему обращения с отходами, а также факт реального оказания услуг, поскольку в результате деятельности ответчика образуются отходы, не относящиеся к ТКО, и их вывоз осуществлялся иными лицами на основании самостоятельных договоров.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно пункту 5 статьи 24.7 Закона № 89-ФЗ договор на оказание услуг по обращению с ТКО заключается в соответствии с типовым договором. При отсутствии подписанного сторонами договора услуги считаются оказанными на условиях типового договора и подлежат оплате потребителем (пункты 1, 2 Обзора ВС РФ от 13.12.2023).

Пунктом 10 статьи 24.6 Закона № 89-ФЗ предусмотрено, что региональный оператор обязан соблюдать схему потоков ТКО, установленную территориальной схемой обращения с отходами субъекта Российской Федерации. Территориальная схема утверждается правовым актом уполномоченного органа, публикуется для всеобщего сведения и носит обязательный характер.

В случае если место накопления отходов и (или) источник образования отходов не включены в территориальную схему обращения с отходами, региональный оператор должен доказывать факт реального оказания услуг собственнику отходов, при наличии сведений о включении объектов ответчика в территориальную схему бремя доказывания факта неоказания или ненадлежащего оказания услуг региональным оператором возлагается на потребителя (пункты 14-16 Обзора ВС РФ от 13.12.2023).

В рассматриваемом случае истец ссылался на то, что объект ответчика включен в территориальную схему как источник образования ТКО, а место

---

[12] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2026 по делу № А50-20817/2024.
[13] Далее – Закон № 89-ФЗ.
[14] Далее – Обзор ВС РФ от 13.12.2023.

накопления отходов (контейнерная площадка) также находится в реестре мест накопления.

Однако суды первой и апелляционной инстанций не исследовали данные обстоятельства, не дали оценки сведениям, содержащимся в территориальной схеме, и не распределили бремя доказывания в соответствии с приведенными выше разъяснениями.

Кроме того, суды не учли, что само по себе заключение ответчиком договоров на вывоз отходов с иными лицами, не имеющими статуса регионального оператора, не освобождает его от обязанности по оплате услуг регионального оператора, если последним соблюдена схема потоков ТКО, предусмотренная территориальной схемой. Договоры с иными лицами не могут подменять собой правоотношения с региональным оператором, поскольку в силу Закона № 89-ФЗ именно региональный оператор является единственным лицом, уполномоченным на оказание услуг по обращению с ТКО в соответствующей зоне деятельности.

5. Разница между арендной платой, уплаченной за фактическое пользование земельным участком после истечения срока договора по его условиям, и платой, предусмотренной новым договором аренды, подлежавшим заключению в спорном периоде, не может быть квалифицирована как неосновательное обогащение на стороне арендодателя, поскольку вытекает из договорных отношений. Издержки, понесенные арендатором вследствие незаконного бездействия арендодателя, повлекшего несвоевременное заключение нового договора, подлежат оценке по правилам о возмещении убытков.[15]

Статья 622 ГК РФ;

пункт 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018[16].

Арендатор земельного участка обратился в арбитражный суд с иском к Министерству земельных и имущественных отношений субъекта Российской Федерации[17] о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами. В обоснование требований истец указал, что после истечения срока действия первоначального договора аренды неоднократно обращался с заявлениями о заключении нового договора для завершения строительства, однако договор был заключен только спустя длительное время во исполнение судебного решения, которым отказ ответчика от его заключения признан незаконным. После прекращения первоначального договора и до заключения нового договора истец продолжал пользоваться участком и вносить арендную плату в размере, установленном первоначальным договором.

[15] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.01.2026 по делу № А07-5675/2025.
[16] Далее – Обзор ВС РФ № 4 (2018).
[17] Далее – Министерство.

Полагая, что размер внесенных платежей превышает размер арендной платы, которая закреплена в новом договоре аренды и подлежала бы уплате в спорном периоде в случае своевременного заключения ответчиком договора, истец просит взыскать указанную разницу как неосновательное обогащение.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили иск, признав, что неправомерное бездействие ответчика по заключению нового договора привело к возникновению на его стороне неосновательного обогащения в виде излишне уплаченных арендных платежей.

Суд округа отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В силу положений статьи 622 ГК РФ, пункта 6 Обзора ВС РФ № 4 (2018) плата за фактическое пользование арендуемым имуществом после истечения срока действия договора производится в размере, определенном этим договором. Прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращение обязательства по внесению арендной платы, поэтому требования о взыскании арендной платы за фактическое пользование имуществом вытекают из договорных отношений, а не из обязательства о неосновательном обогащении.

Выводы судов о возникновении на стороне Министерства неосновательного обогащения в виде разницы между арендной платой, рассчитанной на основании первоначального договора, и арендной платы, определенной в новом договоре, противоречат вышеуказанным нормам права, поскольку при прекращении первоначального договора арендатор обязан уплачивать арендную плату в соответствии с условиями данного договора до момента заключения нового договора аренды вне зависимости от того, что он предпринимал действия, направленные на оформление своих прав на земельный участок путем заключения нового договора аренды, так как отсутствует такой признак неосновательного обогащения, как приобретение имущества в отсутствие на то правовых оснований.

В данном деле в обоснование требований истец ссылался на то, что несвоевременное заключение нового договора аренды, являющееся следствием незаконного бездействия ответчика, повлекло издержки в виде излишне уплаченной арендной платы по сравнению с тем размером, который подлежал бы применению при своевременном заключении договора.

По существу заявленные требования направлены на возмещение реального ущерба, причиненного ответчиком в связи с несвоевременным заключением договора аренды земельного участка, и подлежат рассмотрению как требования о взыскании убытков на основании статей 16 и 1069 ГК РФ, поскольку при надлежащем, в том числе своевременном, выполнении органами власти своих обязанностей, связанных с заключением договора аренды на новый срок, у арендатора отсутствовала бы обязанность по уплате арендных платежей на основании первоначального договора.

Ошибочно квалифицировав спорное правоотношение, имеющее характер деликтного, как кондикционное, суды неверно определили как надлежащего ответчика, так и предмет доказывания по делу.

6. По общему правилу требование о взыскании доходов от пользования имуществом, полученным по недействительной сделке, является дополнительным по отношению к реституции, в связи с чем подлежит удовлетворению только в пределах трехлетнего срока исковой давности, исчисляемого за периоды, предшествующие подаче соответствующего иска, вне зависимости от момента оспаривания сделки и осведомленности заявителя о нарушении права.[18]

Пункт 1 статьи 181, подпункт 1 статьи 1103 ГК РФ;

пункт 22 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025[19].

В рамках дела о банкротстве гражданина признана недействительной (ничтожной) сделка по отчуждению недвижимого имущества, применены последствия недействительности сделки в виде возврата имущества в конкурсную массу. Судом установлено, что после совершения оспоренной сделки ответчик сдавал указанное имущество в аренду и получал арендную плату в определенный период (до возврата имущества).

Финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с ответчика неосновательного обогащения в размере полученной арендной платы за указанный период и процентов за пользование чужими денежными средствами. Ответчик, возражая против иска, заявил о пропуске срока исковой давности.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили иск, признав полученные ответчиком доходы от использования спорного имущества неосновательным обогащением. Суд апелляционной инстанции отклонил заявление ответчика о пропуске срока исковой давности, указав, что срок следует исчислять с момента, когда финансовый управляющий узнал о выбытии имущества из владения должника и извлечении незаконным владельцем дохода от сдачи имущества в аренду, то есть не ранее даты обращения в суд с иском об оспаривании сделки, соответственно, трехлетний срок не пропущен.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и отказал в удовлетворении иска в связи с пропуском срока исковой давности.

В силу подпункта 1 статьи 1103, пункта 1 статьи 1107 ГК РФ доходы от пользования имуществом, полученные по недействительной сделке, взыскиваются по правилам о неосновательном обогащении. Данное требование является дополнительным по отношению к требованию

---

[18] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.03.2026 по делу № А50-7874/2023.

[19] Далее – Обзор ВС РФ от 25.04.2025.

о возврате имущества (реституции). При этом к нему применяется общий трехлетний срок исковой давности, установленный статьей 196 ГК РФ.

В отличие от требования о признании сделки недействительной, где течение срока исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, начинается со дня, когда оно узнало или должно было узнать о начале ее исполнения (пункт 1 статьи 181 ГК РФ), для дополнительного требования о взыскании доходов от пользования имуществом, заявленного после удовлетворения реституционного требования, срок исковой давности исчисляется по общим правилам статьи 200 ГК РФ. При этом истец вправе требовать возмещения доходов только за три года, предшествующие дате предъявления иска (пункт 22 Обзора ВС РФ от 25.04.2025).

В рассматриваемом случае иск о взыскании доходов предъявлен в 2022 году и с учетом трехлетнего срока исковой давности и соблюдения претензионного порядка истец вправе требовать доходы, полученные не ранее 2019 года. Однако предметом иска являются доходы, полученные ответчиком в 2017–2018 годах, то есть за пределами трехлетнего срока, предшествовавшего подаче иска.

Таким образом, финансовым управляющим пропущен срок исковой давности по заявленному требованию, что в силу пункта 2 статьи 199 ГК РФ является самостоятельным основанием для отказа в иске. При этом суд кассационной инстанции отметил, что при установлении пропуска срока исковой давности иные обстоятельства дела (наличие либо отсутствие неосновательного обогащения) исследованию не подлежат.

Споры, связанные с применением законодательства о банкротстве и корпоративного законодательства

7. При рассмотрении обоснованности заявления о признании должника банкротом суд должен учитывать не только формальные признаки неплатежеспособности, но и реальное финансовое состояние должника, его способность исполнить обязательства с учетом планируемых поступлений, причины подачи заявления, включая наличие корпоративного конфликта, а также социально-экономическую значимость осуществляемой должником деятельности.[20]

Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[21].

[20] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.03.2026 по делу № А07-19702/2025.
[21] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 40.

В условиях возникшего корпоративного конфликта бывший директор завода незадолго до своего отстранения обратился в арбитражный суд с заявлением о признании предприятия банкротом. Впоследствии вновь назначенный директор заявил отказ от данного заявления, сославшись на отсутствие у должника признаков объективного банкротства и наличие активов, достаточных для погашения образовавшейся задолженности.

Суд первой инстанции, выводы которого поддержал апелляционный суд, не усмотрел оснований для принятия отказа от заявления и ввел в отношении должника процедуру наблюдения, исходя из формального наличия задолженности в размере, превышающем пороговое значение, и просрочки ее исполнения.

Суд округа отменил судебные акты и направил спор на новое рассмотрение, указав следующее.

В силу пункта 3 статьи 48 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[22] определение о введении наблюдения выносится, если требование заявителя обоснованно и не удовлетворено должником на дату заседания. Вместе с тем, как разъяснено в пункте 4 постановления Пленума ВС РФ № 40, при рассмотрении обоснованности заявления суд вправе отказать во введении процедуры банкротства, если должник докажет, что, несмотря на временные финансовые затруднения, с учетом планируемых поступлений денежных средств сможет исполнить свои обязательства с наступившим сроком исполнения.

В данном случае должник последовательно указывал на наличие у него имущества, достаточного для погашения требований кредиторов, а также на осуществление стабильной хозяйственной деятельности, значительный штат сотрудников и особую социально-экономическую роль предприятия как единственного в соответствующем федеральном округе, выполняющего капитальный ремонт маневровых локомотивов.

Однако суды первой и апелляционной инстанций не исследовали данные обстоятельства, не дали оценки реальной способности должника исполнить обязательства с учетом ожидаемых поступлений, а также не рассмотрели вопрос о возможных негативных последствиях введения процедуры банкротства в отношении социально значимого предприятия, испытывающего временные финансовые трудности. Оставлены без внимания также доводы должника о том, что инициирование дела о банкротстве обусловлено действиями бывшего руководителя, направленными на дестабилизацию деятельности общества в условиях корпоративного конфликта.

Примененный судами подход, сводящийся к установлению лишь формальных признаков неплатежеспособности – наличия задолженности сверх установленного порога и просрочки ее исполнения – без анализа реального финансово-экономического состояния должника, не соответствует целям законодательства о банкротстве, направленного в том числе на

[22] Далее – Закон о банкротстве.

сохранение экономически жизнеспособных предприятий. При новом рассмотрении суду первой инстанции надлежит обеспечить всестороннюю и полную оценку обстоятельств, имеющих значение для вывода о наличии либо отсутствии признаков объективного банкротства.

8. К поручителю, исполнившему обеспеченное обязательство в порядке суброгации переходят права требования к должнику-банкроту в размере предоставленного исполнения, не охватывающем начисленные мораторные проценты, в связи с чем первоначальный кредитор сохраняет самостоятельное материальное право на данное возмещение и не утрачивает процессуальный статус лица, участвующего в деле.[23]

Пункт 1 статьи 365 ГК РФ;

абзац четвертый пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве»[24].

В рамках дела о банкротстве конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с жалобой на незаконные действия арбитражного управляющего. В период рассмотрения обособленного спора поручитель должника полностью погасил включенную в реестр задолженность, в результате чего суд произвел процессуальную замену заявителя на данного поручителя. Впоследствии вступивший в дело правопреемник заявил отказ от поддержания жалобы, однако первоначальный кредитор продолжил настаивать на ее рассмотрении, ссылаясь на сохранение за ним права требования непогашенных мораторных процентов.

Суд первой инстанции прекратил производство по жалобе, исходя из того, что после исполнения обязательств поручителем и проведения полной процессуальной замены первоначальный кредитор утратил свой статус в деле о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции поддержал данные выводы, дополнительно отметив, что никто из оставшихся лиц, включая процессуального правопреемника, не выразил намерения поддерживать заявленные требования.

Суд округа с выводами судов первой и апелляционной инстанций не согласился, отменил обжалуемые судебные акты и направил обособленный спор в суд первой инстанции для рассмотрения жалобы по существу, отметив следующее.

В рассматриваемом случае юридически значимым обстоятельством для разрешения вопроса о наличии или отсутствии оснований для прекращения производства по жалобе на действия (бездействие) арбитражных управляющих являлось установление правового статуса первоначального кредитора как лица, участвующего в настоящем деле о банкротстве с совокупностью процессуальных прав и обязанностей, имеющихся у него

---

[23] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.02.2026 по делу № А76-18958/2018.

[24] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 26

как кредитора должника после погашения поручителем его требований, включенных в реестр.

В соответствии с положениями статья 2 Закона о банкротстве кредитором в деле о банкротстве признается лицо, имеющее по отношению к должнику требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору.

Согласно абзацу четвертому пункта 5 постановления Пленума ВС РФ № 26 при наличии оснований для замены кредитора на исполнившего обязательство поручителя по правилам подпункта 3 пункта 1 статьи 387 ГК РФ к такому поручителю требование кредитора переходит в пределах суммы, установленной в реестре требований кредиторов должника по обеспеченному обязательству (статья 365 ГК РФ).

В данном случае кредитор получил удовлетворение своих требований за счет погашения задолженности поручителем только в объеме основного обязательства, размер которого исчислен по состоянию на дату введения первой процедуры банкротства должника, при этом начисленные мораторные проценты остались непогашенными. Поскольку мораторные проценты, как и любой другой вид финансовых санкций, представляют собой компенсацию за пользование денежными средствами в условиях банкротства должника, право на их получение сохраняется за первоначальным кредитором до даты полного удовлетворения таких требований.

Кроме того, судами не принято во внимание, что предложенный ими подход ставит в заранее невыгодное имущественное положение первоначального кредитора, который претерпевает негативные последствия банкротства в виде запрета на начисление договорных финансовых санкций. При ошибочном толковании судов поручитель получает ничем не обоснованное преимущество в виде права требовать от должника выплаты компенсационных процентов за тот период, когда пострадавшей стороной являлся именно первоначальный кредитор и когда именно его денежными средствами пользовался должник до фактической оплаты долга поручителем.

Таким образом, поскольку обязательства перед заявителем не исполнены в полном объеме, он не утратил статус кредитора и обладает всей совокупностью процессуальных прав, в связи с чем у судов не имелось оснований для прекращения производства по его жалобе на действия арбитражного управляющего.

9. Отсутствие разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и невозможность физического проживания в квартире не являются препятствиями для утверждения локального плана реструктуризации в отношении указанного имущества, право требования на которое по договору участия в долевом строительстве передано в залог кредитору, если такая квартира в будущем (после ввода

объекта в эксплуатацию) станет для должника единственным жильем.[25]

Пункт 3 статьи 213.25, пункт 1 статьи 213.10-1 Закона о банкротстве; пункт 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025[26].

В рамках дела о банкротстве гражданина банк обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности по кредитному договору, обеспеченной залогом прав требования участника долевого строительства. Должник, ссылаясь на то, что квартира в строящемся многоквартирном доме станет для него единственным пригодным для проживания жильем, заявил ходатайство об утверждении локального мирового соглашения, предусматривающего исполнение обеспеченного залогом обязательства за счет средств третьего лица.

Суд первой инстанции заявление о включении требований банка в реестр удовлетворил, однако в утверждении локального мирового соглашения отказал, сославшись на отсутствие оснований для признания предмета залога единственным пригодным для проживания жильем ввиду того, что объект недвижимости не введен в эксплуатацию и проживание в нем невозможно.

Апелляционный суд определение оставил без изменения, дополнительно отметив необходимость исследования факта возможности окончания строительства и наличия у должника права на получение жилого помещения в связи с неоплатой части установленной договором цены, однако соответствующих доказательств не истребовал и застройщика к участию в деле не привлек.

Суд округа обжалуемые судебные акты отменил и направил вопрос на новое рассмотрение, указав следующее.

Из разъяснений, изложенных в пункте 18 Обзора ВС РФ от 18.06.2025, следует, что само по себе несоответствие жилища условиям отнесения его к жилому фонду в соответствии с жилищным законодательством не может служить основанием для отказа в применении к такому жилищу исполнительского иммунитета.

Под термином «жилище», на которое может быть распространен исполнительский иммунитет, подразумеваются апартаменты, объекты недвижимости, расположенные на земельных участках, предоставленных под жилищное строительство, не введенные в эксплуатацию по различным причинам, в том числе и формальным, и имеющие перспективу при выполнении реконструкции, завершении необходимых строительных и отделочных работ, проведении мероприятий по легализации (документарном оформлении) получить статус жилого помещения.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 04.06.2024 № 28-П признал защищаемыми

---

[25] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.02.2026 по делу № А60-67510/2024.
[26] Далее – Обзор ВС РФ от 18.06.2025.

исполнительским иммунитетом и подлежащими исключению из конкурсной массы по заявлению гражданина-должника денежные средства от продажи единственного жилья за вычетом сумм, направленных на погашение требований залогового кредитора, а также погашение требований и расходов, предусмотренных абзацами вторым – четвертым пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве.

Таким образом, действующая судебная практика распространяет исполнительский иммунитет и на оставшиеся после расчетов с залоговым кредитором денежные средства, вырученные от продажи в рамках процедуры банкротства принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности и обремененного ипотекой единственного пригодного для проживания жилого помещения в силу принципа эластичности. Указанные денежные средства следуют судьбе замененной ими вещи и призваны обеспечить имеющие особую значимость жилищные права должника (приобретение, аренду жилья взамен проданного заложенного).

Следовательно, тот же принцип может быть применен и в ситуации наличия прав требований к застройщику в отношении вещи, которая будет создана и будет отвечать признакам единственного жилья.

В рассматриваемом деле кредитный договор, а также договор участия в долевом строительстве заключены должником с целью приобретения квартиры для дальнейшего в нем проживания, при этом доказательств нахождения в собственности иного недвижимого имущества, которое могло бы быть признано единственным жильем должника, из материалов дела не усматривается. Находящееся в залоге право требования по договору долевого участия фактически направлено на обеспечение получения должником в собственность помещения, которое будет обладать признаками исполнительского иммунитета.

То обстоятельство, что многоквартирный дом в настоящий момент не введен в эксплуатацию, сам по себе правового значения не имеет, поскольку не исключает наделение его таким статусом впоследствии.

10. В рамках дела о банкротстве гражданина не могут быть оспорены сделки, совершенные между третьими лицами, если не доказано, что такие сделки совершены за счет имущества должника и привели к переходу спорного имущества непосредственно в сферу контроля должника, а сам должник не являлся их стороной.[27]

Статьи 10, 168, 170, пункт 1 статьи 181 ГК РФ;

пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве гражданина, привлеченного к субсидиарной ответственности по обязательствам подконтрольного ему общества, финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными договоров участия в долевом строительстве, заключенных между указанным обществом (застройщик)

[27] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.03.2026 по делу № А07-6072/2023.

и сыном должника. Управляющий полагал, что указанные сделки совершены с целью безвозмездного вывода активов подконтрольного должнику лица в преддверии его банкротства и, по сути, имущество осталось во владении и пользовании должника и членов его семьи.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили заявление, признав сделки недействительными, исходя из того, что они заключены между заинтересованными лицами при отсутствии доказательств оплаты в период неплатежеспособности общества. Суды также отклонили доводы ответчика о пропуске управляющим срока исковой давности, поскольку указанный срок подлежит исчислению не ранее даты введения в отношении должника процедуры реструктуризации долгов (17.07.2023).

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и отказал в удовлетворении заявления ввиду следующего.

Для признания в рамках дела о банкротстве сделок недействительными как по специальным основаниям главы III.1 Закона о банкротстве, так и по общегражданским основаниям необходимо доказать совершение сделки самим должником либо за счет его имущества, цель причинения вреда кредиторам и осведомленность контрагента о такой цели.

В данном случае в материалы дела не представлены доказательства непосредственного участия должника в совершении оспариваемых сделок, совершения указанных сделок за счет имущества должника и перехода спорного имущества непосредственно в сферу контроля должника, что свидетельствует об отсутствии прямой причинно-следственной связи между оспариваемыми сделками и предполагаемым получением активов должником. Сам по себе факт наличия у должника статуса единственного участника общества, а также заинтересованности стороны сделки (сын должника) не подменяет необходимости доказывания участия должника в совершении сделок и причинения ущерба его конкурсной массе.

Кроме того, судами не учтено, что перечисленные обстоятельства (совершение сделки между заинтересованными лицами, отсутствие доказательств оплаты, наличие у общества признаков неплатежеспособности) не выходят за пределы диспозиции пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, предусматривающей недействительность подозрительной сделки. Сам по себе факт заключения сделок до начала периода подозрительности, исключающий возможность их оспаривания по специальным основаниям, не является достаточным для квалификации таких отношений как ничтожных на основании статей 10 и 168 ГК РФ. Для этого необходимо установление у данных сделок пороков, выходящих за пределы дефектов подозрительных сделок, предусмотренных статьей 61.2 Закона о банкротстве, что в данном случае сделано не было.

Суд округа также признал ошибочными выводы судов о соблюдении управляющим срока исковой давности. Поскольку должник не являлся стороной оспариваемых сделок, срок исковой давности подлежал исчислению с учетом даты утверждения конкурсного управляющего в деле

о банкротстве общества (17.01.2019). На момент обращения финансового управляющего в суд в рамках настоящего дела о бакнроставе гражданина (02.12.2024) трехлетний срок исковой давности, установленный пунктом 1 статьи 181 ГК РФ, истек, что является самостоятельным основанием для отказа в иске.

11. При рассмотрении споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего в рамках дел о банкротстве организаций, которые продолжают свою хозяйственную деятельность в конкурсном производстве и осуществляют расчеты по гражданско-правовым обязательствам в ущерб исполнению налоговых и иных обязательств перед бюджетом, бремя доказывания того, что кратное увеличение указанной текущей задолженности должника произошло по иным причинам, нежели создание центра убытков на стороне должника, возлагается на ответчиков.[28]

Пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве предприятия уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с конкурсного управляющего и аффилированной с контролирующими должника лицами организации убытков, причиненных незаконным продолжением производственной деятельности должника. Заявитель указал, что управляющий не прекратил нерентабельную деятельность предприятия, в результате чего должник стал выполнять роль «центра убытков», на стороне которого кратно выросла и осталась непогашенной текущая налоговая задолженность, тогда как иной хозяйствующий субъект получал прибыль. Возражая против заявленных требований, ответчики сослались на формальную прибыльность деятельности предприятия по данным бухгалтерской отчетности.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу об отсутствии совокупности условий для применения к ответчикам мер гражданско-правовой ответственности по правилам статьи 15 ГК РФ, поскольку за спорный период размер убытков организации-ответчика почти в два раза превысил размер совокупной прибыли должника, что противоречит доводу о наличии схемы «центр убытков – центр прибыли». Кроме того, с учетом общего размера налоговых поступлений от должника в конкурсном производстве уполномоченный орган фактически получил удовлетворение текущих требований в том размере, на который не мог претендовать на дату введения процедуры конкурсного производства без продолжения хозяйственной деятельности конкурсным управляющим, которая была рентабельной.

Суд округа с выводами судов первой и апелляционной инстанций не согласился, отменил обжалуемые судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение, отметив следующее.

---

[28] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.02.2026 по делу № А60-16228/2017.

Вывод судов нижестоящих инстанций о недоказанности ведения бизнеса по схеме создания «центров прибыли и убытков» с аккумулированием налоговой нагрузки и ее последующим списанием в связи с завершением конкурсного производства сформулирован без принятия во внимание довода о прибыльности деятельности организации-ответчика после приобретения ответчиком на торгах всего имущественного комплекса должника. Кроме того, формальная прибыльность деятельности должника, не сопровождающаяся добросовестным исполнением налоговых обязанностей в конкурсном производстве, а равно рентабельность такой деятельности, не означают, что должник не задействован в схеме по созданию центра убытков.

При определении центров прибыли и убытков показатели бухгалтерской (финансовой) отчетности не должны приобретать решающее значение, поскольку составляются хозяйствующими субъектами самостоятельно.

Суд округа также отметил переход на ответчика в силу статьи 65 АПК РФ бремени доказывания того, что увеличение указанной текущей задолженности должника-банкрота произошло по иным причинам, нежели создание центра убытков на должнике. Учитывая тот факт, что намерение причинить вред, как правило, не афишируется, требование от потерпевшего представления им прямых доказательств согласованной воли сопричинителей о совместном причинении вреда чрезмерно и неоправданно. Вывод об этих обстоятельствах может быть сделан на совокупности согласующихся между собой косвенных доказательств по принципу: «установленные обстоятельства указывают на то, что, скорее всего, событие произошло только в результате согласованных действий».

Кроме того, по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 13.03.2008 № 5-П, возникновению налоговых обязательств, как правило, предшествует вступление организации в гражданские правоотношения, т.е. налоговые обязательства базируются на гражданско-правовых отношениях либо тесно с ними связаны.

В отсутствие злоупотреблений со стороны конкурсного управляющего не может сложиться ситуация, при которой непогашенная текущая задолженность перед бюджетом будет составлять более половины всех неисполненных текущих обязательств должника, продолжившего ведение хозяйственной деятельности в конкурсном производстве (часть 1 статьи 69 АПК РФ). Судами оставлена без внимания сформировавшаяся в процедуре банкротства аномальная структура обязательств должника, при которой текущая задолженность перед бюджетом стала составлять более половины всех неисполненных текущих обязательств. Возникновение подобной диспропорции предполагает наличие злоупотреблений и прямо указывает на умысел участников схемы аккумулировать убытки за счет непогашения обязательных платежей.

12. При разрешении вопроса об установлении процентов по вознаграждению конкурсного управляющего необходимо разграничивать погашение требований кредиторов, ставшее результатом эффективного осуществления мероприятий по реализации имущества, и погашение путем передачи этого имущества кредитору в качестве отступного, которое может свидетельствовать о безуспешности реализационных мероприятий и является вынужденной ликвидационной мерой, не образующей оснований для стимулирующей выплаты управляющему.[29]

Пункт 13 статьи 20.6 Закона о банкротстве;

пункт 22 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016[30].

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об установлении процентов по вознаграждению, рассчитанных от совокупного размера всех погашенных требований. Учредитель должника возражал против удовлетворения заявления, ссылаясь на то, что часть требований кредиторов погашена путем передачи не реализованного на трех последовательных этапах торгов недвижимого имущества в качестве отступного, что свидетельствует о неэффективности проведенных реализационных мероприятий и не дает управляющему права на получение стимулирующей выплаты в полном объеме.

Суд первой инстанции установил проценты по вознаграждению конкурсного управляющего в заявленном размере, сославшись на эффективность проведенных им мероприятий, в том числе направленных на включение спорного имущества в конкурсную массу, и не усмотрев оснований для уменьшения размера стимулирующей выплаты.

Апелляционный суд определение изменил, но поддержал вывод суда первой инстанции в указанной части. Суд указал, что позиция о запрете стимулирующих выплат при передаче отступного касается исключительно неликвидного имущества и не применима к данному спору, поскольку переданный актив являлся ликвидным и дорогостоящим. Сложность реализации имущества на торгах обусловлена объективной спецификой объекта, так как продажа доли в праве без конкретизации помещений порождает неопределенность в возможностях ее использования и требует урегулирования отношений с иными сособственниками, ввиду чего передача такого актива в качестве отступного являлась наиболее целесообразной мерой, позволившей избежать удовлетворения требований кредиторов в меньшем размере по итогам последующих торгов.

Суд округа с выводами нижестоящих судов не согласился, отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

---

[29] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.01.2026 по делу № А60-6345/2019.

[30] Далее – Обзор ВС РФ от 20.12.2016.

В статье 20.6 Закона о банкротстве закреплено право арбитражного управляющего на получение вознаграждения, которое состоит из фиксированной суммы и процентов.

При этом погашение требований кредиторов способами, не связанными с эффективным осуществлением конкурсным управляющим мероприятий в рамках соответствующей процедуры банкротства, не может рассматриваться как основание для выплаты дополнительного стимулирующего вознаграждения (пункт 22 Обзора ВС РФ от 20.12.2016).

Конкурсный управляющий должен последовательно провести мероприятия по максимальному наполнению конкурсной массы и соразмерному удовлетворению требований кредиторов должника. С этой целью он осуществляет продажу имущества должника на условиях его реализации по наиболее высокой цене с привлечением к торгам наибольшего числа потенциальных покупателей. Для этого сначала проводятся торги на повышение цены продажи, затем при необходимости – повторные торги на повышение, а впоследствии имущество подлежит продаже посредством публичного предложения с поэтапным снижением цены до момента, когда хотя бы один покупатель изъявит желание приобрести имущество (пункты 3-19 статьи 110, пункт 3 статьи 111, статья 139 Закона о банкротстве).

Если по результатам последовательно проведенных торгов и публичного предложения как рыночного механизма определения стоимости имущества покупатель не нашелся, то предполагается, что такое невостребованное имущество неликвидно и его стоимость близка к нулевой. Нереализованное имущество должника распределяется между собственниками или учредителями (участниками) должника или списывается с должника в порядке, установленном статьей 148 Закона о банкротстве. Следовательно, конкурсная масса должника не пополняется ни за счет самого факта нахождения имущества у должника, ни за счет его реализации.

В связи с этим погашение требований кредиторов путем заключения соглашения об отступном является по существу крайней и вынужденной мерой в отношении имущества должника, которое арбитражный управляющий не смог реализовать.

В рассматриваемой ситуации спорное имущество не реализовано по итогам всех трех этапов торгов, что прямо свидетельствует о безуспешности реализационных мероприятий. Вопреки выводам суда апелляционной инстанции, объективная специфика объекта (продажа доли в праве без конкретизации помещений и необходимость урегулирования отношений с иными сособственниками), обусловившая невозможность его быстрой продажи, как раз и указывает на низкую ликвидность актива, что опровергает позицию об эффективной реализации имущества.

Более того, оценка данных обстоятельств как показателя эффективности противоречит ранее сделанным выводам самого апелляционного суда в рамках данного дела, где та же неопределенность в использовании имущества обоснованно расценивалась как фактор,

обуславливающий его низколиквидность и целесообразность вынужденной передачи кредитору. При таких обстоятельствах оснований для квалификации передачи отступного как эффективного мероприятия и начисления на соответствующую сумму стимулирующих процентов не имелось.

При новом рассмотрении суду надлежит установить базу для исчисления процентов по вознаграждению конкурсного управляющего без учета погашения реестра путем предоставления отступного, проверить доводы о размере вознаграждения организатора торгов за рассматриваемый период, после чего произвести расчет стимулирующего вознаграждения с учетом доводов и возражений сторон.

13. Течение срока исковой давности по требованию общества к наследнику умершего директора (второе дело) не прерывается на период рассмотрения иска, первоначально предъявленного к директору после его смерти (первое дело).[31]

Пункт 1 статьи 204, абзац второй пункта 3 статьи 1175 ГК РФ;

пункт 6, абзац шестой пункта 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»[32]*;*

пункты 1, 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»[33]

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к бывшему руководителю о взыскании убытков, возникших в результате его бездействия по исполнению судебного акта, повлекшего начисление судебной неустойки. Производство по делу (далее – первое дело) прекращено в связи со смертью ответчика, имевшей место до подачи иска. Судом апелляционной инстанции отказано в удовлетворении апелляционной жалобы общества на определение о прекращении производства по делу. Впоследствии истец обратился с аналогичным требованием к единственному наследнику бывшего руководителя.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении иска, исходил из пропуска срока исковой давности, указав, что новый руководитель общества мог и должен был после изучения доступной ему документации и открытых данных узнать о допущенных предшествующим руководителем нарушениях и о наличии соответствующих убытков. При этом суд отклонил довод истца о перерыве течения срока исковой давности в период рассмотрения первого дела, поскольку в силу статьи 201 ГК РФ переход обязанностей в порядке

---

[31] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.03.2026 по делу № А76-28560/2024.
[32] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 9.
[33] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 43.

универсального правопреемства не влияет на начало течения срока исковой давности и порядок его исчисления (пункт 6 постановления Пленума ВС РФ № 43).

Суд апелляционной инстанции, напротив, пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения заявления, указав, что течение срока исковой давности прерывалось в период с момента подачи истцом ходатайства о замене ненадлежащего ответчика до вступления в законную силу определения суда о прекращении производства по первому делу.

Суд округа не согласился с выводами апелляционного суда, отменил его постановление, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Разрешая вопрос, останавливалось ли течение трехлетнего срока исковой давности с момента обращения общества в арбитражный суд с иском к бывшему директору в рамках первого дела, суд кассационной инстанции отметил следующее.

В соответствии с абзацем вторым пункта 3 статьи 1175 ГК РФ и разъяснениями, изложенными в пункте 6 и абзаце шестом пункта 59 постановления Пленума ВС РФ № 9, несмотря на сформировавшиеся у истца после подачи им ходатайства о замене ненадлежащего ответчика ожидания – под влиянием последующих процессуальных действий суда – о допустимости осуществления защиты своих прав в рамках первого дела, положения пункта 1 статьи 204 ГК РФ об остановке течения срока исковой давности на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права, применению не подлежали, поскольку подача истцом ходатайства о замене ответчика, умершего до подачи иска в суд, не может быть квалифицирована в качестве обращения в суд за защитой нарушенного права в «установленном порядке». Кроме того, применение пункта 1 статьи 204 ГК РФ при указанных обстоятельствах противоречило бы существу законодательного регулирования – ограничению правил об исковой давности по требованиям кредиторов к наследникам (пункт 3 статьи 1175 ГК РФ).

При этом исключение незначительного периода времени, когда истец не был осведомлен о том, кто является надлежащим ответчиком по иску (первоначально наследственное имущество, затем наследник), из трехлетнего срока исковой давности в контексте абзаца второго пункта 1 постановления Пленума ВС РФ № 43 не влияет на верный вывод суда первой инстанции об истечении данного срока.

14. При рассмотрении спора о взыскании убытков, обусловленных сокрытием должником доходов с использованием банковского счета третьего лица, суд должен применить повышенный стандарт доказывания и при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств переложить бремя их опровержения на ответчика, обладающего всей полнотой информации.[34]

Статьи 65, 71 АПК РФ.

[34] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.03.2026 по делу № А60-69907/2019.

Финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании убытков с лица, на имя которого оформлена банковская карта, реквизиты которой длительное время использовались должником, уже находящимся в процедуре банкротства, для получения денежных средств, извлекаемых в результате оказания услуг в сети Интернет (консультирование по вопросам продажи недвижимости и участия в торгах). По мнению управляющего, указанные денежные средства являются скрытым доходом должника, подлежащим включению в конкурсную массу, который выведен с использованием карты ответчика, что причинило вред кредиторам.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился апелляционный суд, отказал в удовлетворении заявления, указав на недоказанность того, что поступившие на карту денежные средства принадлежали именно должнику, а не ответчику, а также того, что ответчик действовал недобросовестно и в интересах должника.

Суд округа отменил судебные акты и направил спор на новое рассмотрение в связи со следующим.

Банкротство гражданина не исключает ситуации, когда недобросовестный должник, продолжая осуществлять приносящую доход деятельность, выводит полученные средства из-под контроля финансового управляющего и кредиторов, используя для этого счета иных (в том числе аффилированных) лиц. Указанная деятельность может выражаться, в частности, в поступлении на карту номинального владельца причитающихся должнику денежных средств за оказываемые им услуги.

В таких обособленных спорах, осложненных сокрытием информации одной из сторон, подлежит применению повышенный стандарт доказывания. Лицо, обладающее всей полнотой информации (ответчик), должно опровергнуть доводы управляющего и кредиторов, в то время как последние в силу объективных причин не всегда могут представить прямые доказательства вредоносного поведения, но обязаны привести достаточно весомые косвенные доказательства (статьи 65, 71 АПК РФ).

В рассматриваемом случае управляющий и кредитор представили многочисленные косвенные доказательства, в совокупности указывающие на возможность использования должником счета ответчика для получения дохода: длительное знакомство сторон, указание номера карты ответчика на интернет-ресурсах должника в качестве реквизитов для сбора средств, удаление указанных реквизитов после возбуждения данного спора, частичное совпадение периодов расходных операций по карте с пребыванием должника в соответствующих городах.

В свою очередь, ответчик, на котором лежало бремя опровержения доводов управляющего, не представил убедительных и непротиворечивых пояснений о причинах указания его личной карты на коммерческих ресурсах должника, а также о происхождении значительной части поступивших на карту средств. Представленные ответчиком пояснения о том, что часть средств являлась доходами от аренды и займов, не были подтверждены

четким расчетом с привязкой к конкретным поступлениям, а в отношении остальной суммы ответчик сослался на невозможность дать пояснения по истечении времени.

Суды первой и апелляционной инстанций, возложив бремя доказывания исключительно на управляющего, не дали оценки приведенным косвенным доказательствам, не исследовали возражения кредитора о неотносимости представленных ответчиком доказательств, не определили надлежащим образом круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, и фактически ограничились констатацией недоказанности требований управляющего.

Рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений

15. Наличие у контрагента признаков «технической организации» и отдельных недостатков в первичной документации по сделкам само по себе не свидетельствует о создании налогоплательщиком формального документооборота для необоснованного применения вычета по налогу на добавленную стоимость[35] при отсутствии доказательств нереальности хозяйственных операций, бремя представления которых возлагается на налоговый орган.[36]

Статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации[37];

пункт 31 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.02.2017[38].

По результатам выездной проверки налоговый орган принял решение о доначислении налогоплательщику НДС, придя к выводу о неправомерном применении налоговых вычетов. Основанием послужили признаки формального документооборота, включая номинальность контрагентов, минимальную налоговую нагрузку, отсутствие подтверждения транспортировки товара и отдельные недостатки в оформлении документов.

Не согласившись с решением налогового органа, налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным.

Суды первой и апелляционной инстанций поддержали позицию налогового органа, согласившись с выводами о формальности спорных операций и непроявлении налогоплательщиком должной осмотрительности.

Суд округа отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, исходя из следующего.

В силу положений пункта 3 статьи 54.1 НК РФ, а также правовой позиции, изложенной в пункте 31 Обзора ВС РФ № 1 (2017), основанием для

---

[35] Далее – НДС.
[36] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.02.2026 по делу № А60-181/2025.
[37] Далее – НК РФ.
[38] Далее – Обзор ВС РФ № 1 (2017).

признания налогового вычета необоснованным является установление факта создания налогоплательщиком формального документооборота, не сопровождающегося реальным приобретением товара, либо приобретение товара у иных лиц с искусственным «задвоением» документального оформления. Наличие у контрагента признаков «технической организации» и недостатки в оформлении первичных документов сами по себе, при отсутствии доказательств нереальности самой поставки товара не могут служить безусловным основанием для применения пункта 1 статьи 54.1 НК РФ.

При этом по смыслу статьи 106 НК РФ бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о нереальности хозяйственных операций, возлагается на налоговый орган. Возложение на налогоплательщика негативных последствий за неисполнение обязанности по доказыванию факта реального поступления товара по спорным сделкам при взаимодействии с контрагентами, обладающими признаками «технических организаций», возможно лишь в ситуации, когда налоговый орган, не ограничиваясь констатацией признаков сомнительности контрагента, предпринял исчерпывающие меры по доказыванию отсутствия товара, а налогоплательщик воспрепятствовал получению такой информации.

В рассматриваемом деле налоговый орган, ограничившись анализом негативных характеристик контрагентов и формальных недостатков документов, не предпринял исчерпывающих мер для опровержения доводов налогоплательщика о реальности хозяйственных операций, в частности не составил товарный баланс, который мог бы подтвердить расхождения в количестве приобретенного и реализованного товара, не проанализировал данные бухгалтерского учета, не допросил покупателей налогоплательщика, которым, как утверждал налогоплательщик, впоследствии была реализована спорная продукция.

Проведенный инспекцией анализ регистров бухгалтерского учета налогоплательщика на предмет фактического оприходования товара и его дальнейшей реализации носил поверхностный и противоречивый характер: с одной стороны, налоговым органом сделан вывод о невозможности установить факты оприходования и реализации товара, с другой стороны, в самом решении инспекции отражены результаты анализа, подтверждающие последующую реализацию спорного товара.

При изложенных обстоятельствах, учитывая, что в судебных актах не устранены выявленные противоречия, бухгалтерская документация налогоплательщика не исследовалась, а его доводы отклонены лишь со ссылкой на выводы налогового органа, суд кассационной инстанции не может признать обоснованными выводы судов первой и апелляционной инстанций о создании налогоплательщиком формального документооборота и совершении правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 54.1 НК РФ.

Кроме того, суд округа не может согласиться с выводами судов о недостаточной степени осмотрительности налогоплательщика в выборе контрагентов, поскольку данный вывод основан лишь на доле налоговых

вычетов, приходящихся на спорных контрагентов в отдельном периоде, без учета иных значимых обстоятельств: ординарного характера сделок по приобретению товаров, отсутствия аффилированности с контрагентами, условий постоплаты, а также специфики экономической ситуации, вызванной пандемией COVID-19, которая могла объективно повлиять на выбор поставщиков. В данной ситуации для оценки спорных операций как значимых для деятельности налогоплательщика необходимо также оценивать и особенности приобретаемого товара, равно как и иные специальные критерии в их совокупности и взаимосвязи[39].

16. При изъятии собственником имущества (основных средств), закрепленного за унитарным предприятием на праве хозяйственного ведения, на предприятие возлагается обязанность по восстановлению сумм НДС, ранее обоснованно принятых к вычету, в размере, пропорциональном остаточной (недоамортизированной) стоимости данного имущества.[40]

Подпункт 4 пункта 2, подпункт 2 пункта 3 статьи 170 НК РФ.

Государственное унитарное предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решений налогового органа, которыми признано неправомерным уменьшение суммы НДС. Основанием для вынесения решений послужил вывод инспекции о необходимости восстановления сумм НДС, ранее принятых к вычету по основным средствам, в связи с их передачей по решению собственника другой подведомственной организации в порядке перераспределения федерального имущества.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, признал оспариваемые решения недействительными, придя к выводу, что операция по безвозмездной передаче предприятием имущества в пользование государственному бюджетному учреждению, право собственности на которое не перешло, не является реализацией в смысле статьи 39 НК РФ и подпункта 5 пункта 2 статьи 146 НК РФ и, соответственно, не образует основания для восстановления налога, предусмотренного подпунктом 2 пункта 3 статьи 170 НК РФ.

Суд округа отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение на основании следующего.

Из содержания подпункта 4 пункта 2 и подпункта 2 пункта 3 статьи 170 НК РФ следует, что суммы НДС, ранее правомерно принятые к вычету по основным средствам, подлежат восстановлению в случае дальнейшего

---

[39] Пункт 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», пункт 1 Обзора практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023.

[40] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.01.2026 по делу № А60-72937/2024 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2026 № 309-ЭС26-2711 отказано в передаче дела на пересмотр).

использования указанных объектов для осуществления операций по реализации, не признаваемых объектом налогообложения НДС в силу пункта 2 статьи 146 НК РФ. При этом восстановление производится в размере суммы, пропорциональной остаточной (балансовой) стоимости без учета переоценки.

Разрешая спор, суды исходили из того, что изъятие собственником имущества, закрепленного за унитарным предприятием на праве хозяйственного ведения, не влечет перехода права собственности, а следовательно, не образует реализации в смысле статьи 39 НК РФ. При таком подходе передача основных средств предприятием по решению собственника об их изъятии в силу пунктов 1 и 3 статьи 39 и пункта 2 статьи 146 НК РФ не может рассматриваться как реализация этого имущества и, соответственно, не образует объекта обложения НДС.

Вместе с тем НДС, уплаченный налогоплательщиком и правомерно принятый к вычету в соответствии со статьями 171, 172 НК РФ по основным средствам, приобретенным им для осуществления налогооблагаемых операций, в момент передачи данных основных средств собственнику в силу подпункта 4 пункта 2, подпункта 2 пункта 3 статьи 170 НК РФ подлежит восстановлению и уплате в бюджет в доле недоамортизированной части, так как эти основные средства перестают участвовать в осуществлении налогоплательщиком операций, признаваемых объектами налогообложения.

Таким образом, вопреки выводам нижестоящих судов, позиция налогового органа о квалификации рассматриваемой хозяйственной операции как подпадающей под регулирование подпункта 4 пункта 2 статьи 170 НК РФ является обоснованной, а ранее принятые к вычету суммы налога подлежат восстановлению в порядке, предусмотренном подпунктом 2 пункта 3 той же статьи, в размере, определяемом пропорционально остаточной (балансовой) стоимости основных средств без учета их переоценки.

17. Для целей применения ставок налога на добычу полезных ископаемых[41] вид добытого полезного ископаемого определяется на основании выданной лицензии, протокола государственной комиссии по запасам и технической документации вне зависимости от направления его дальнейшего использования или результатов последующей переработки.[42]

Статьи 337, 339 НК РФ.

По результатам камеральных проверок уточненных налоговых деклараций налогоплательщика по НДПИ налоговым органом вынесены решения о доначислении ему налога и привлечении к ответственности. Основанием послужил вывод инспекции о занижении налогоплательщиком налоговой базы вследствие неверного применения налоговой ставки.

---

[41] Далее – НДПИ.

[42] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2026 по делу № А60-58927/2024.

Налоговый орган исходил из того, что весь объем полезного ископаемого (известняка флюсового), добываемого налогоплательщиком на спорном месторождении, подлежит квалификации как горнорудное неметаллическое сырье (подпункт 7 пункта 2 статьи 337 НК РФ), в связи с чем при его налогообложении надлежит применять ставку 6% с соответствующим рентным коэффициентом. Между тем налогоплательщик применял указанную ставку лишь к 4% добытого объема, тогда как в отношении оставшихся 96% добычи без достаточных правовых оснований использовал налоговую ставку 5,5%, признавая известняк в качестве строительного сырья (общераспространенного полезного ископаемого) согласно подпункту 10 пункта 2 статьи 337 НК РФ.

Налогоплательщик оспорил решения налогового органа в арбитражном суде, настаивая на правомерности применения дифференцированных ставок налогообложения к добываемому полезному ископаемому. По его мнению, фактически осуществлялась добыча двух самостоятельных видов полезных ископаемых, поскольку лишь незначительная часть добытого объема соответствовала стандартам металлургии и поставлялась металлургическим компаниям, тогда как оставшаяся часть пригодна для использования в иных отраслях, включая строительство, и реализовывалась иным категориям покупателей.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требования налогоплательщика, согласившись с его доводами о необходимости определения вида полезного ископаемого для целей налогообложения с учетом его дальнейшего фактического использования и возможности раздельного учета на стадии дробления и сортировки. При этом суды указали, что лицензионные данные не имеют решающего значения для налоговой квалификации, а налоговое законодательство не исключает возможность признания одного полезного ископаемого, числящегося на государственном балансе, в качестве двух самостоятельных видов добытых полезных ископаемых для целей исчисления НДПИ.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты в части признания недействительными решений налогового органа о доначислении НДПИ и соответствующего штрафа в связи с ошибочным применением налогоплательщиком налоговой ставки на основании подпункта 10 пункта 2 статьи 337 НК РФ и отказал в удовлетворении заявленных требований в указанной части в связи со следующим.

По смыслу взаимосвязанных положений пункта 1, подпункта 7 пункта 2 статьи 337 и пункта 7 статьи 339 НК РФ возникновение объекта обложения НДПИ, а значит, и соответствующей налоговой обязанности недропользователя, связывается с моментом завершения технологических операций по извлечению из минерального сырья полезного ископаемого и доведению его качества до определенного стандарта. Последующее фактическое использование добытого полезного ископаемого, равно как и его дальнейшая

переработка (включая дробление и сортировку), не изменяют его вида, определенного на момент завершения добычи.

В рассматриваемом случае лицензией, протоколом государственной комиссии по запасам и технической документацией подтверждено, что на спорном месторождении на государственном балансе числятся и добываются запасы известняка флюсового, качество которого изначально соответствует требованиям для металлургической промышленности. Доказательств переоценки запасов или внесения изменений в лицензию в части выделения иного вида полезного ископаемого налогоплательщиком не представлено. Напротив, официальная отчетность налогоплательщика и разработанные им технические условия свидетельствуют об учете добычи исключительно как известняка флюсового.

При таких обстоятельствах у налогоплательщика отсутствовали правовые основания для квалификации части добытого полезного ископаемого в качестве неметаллического сырья, используемого в строительной индустрии (подпункт 10 пункта 2 статьи 337 НК РФ). Следовательно, весь объем добытого полезного ископаемого подлежит налогообложению как горнорудное неметаллическое сырье.

Тот факт, что в протоколе государственной комиссии по запасам или технической документации указывается на возможность использования известняка не только по прямому назначению, но и в других отраслях (например, в условиях ограниченного спроса), относится к сфере недропользования и не изменяет налоговых последствий.

Позиция налогоплательщика о раздельном учете на стадии дробления несостоятельна, поскольку процессы дробления и сортировки являются этапами переработки уже добытого полезного ископаемого (известняка флюсового) с целью придания ему товарных свойств, но не изменяют его вида, а обязанность по уплате НДПИ возникает на более ранней стадии.

Кроме того, судом округа отмечено, что фактические обстоятельства, касающиеся вида добываемого налогоплательщиком полезного ископаемого (известняк флюсовый), были установлены вступившими в законную силу судебными актами по ранее рассмотренному делу № А60-47683/2021 с участием тех же лиц и имели преюдициальное значение.

18. Отказ уполномоченного органа во внесении изменений в ранее выданное разрешительное заключение, оформленный в виде уведомления об отсутствии ошибок и (или) опечаток, является самостоятельным ненормативным правовым актом, затрагивающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта, в связи с чем может быть оспорен в судебном порядке.[43]

Часть 1 статьи 198 АПК РФ.

Общество, осуществляющее разработку месторождения гравийно-песчаной смеси, получило от территориального управления Федерального

[43] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2026 по делу № А50-26294/2025.

агентства по рыболовству[44] заключение о согласовании планируемой деятельности, которое содержало ограничения по срокам проведения добычных работ. Полагая, что указанные ограничения не соответствуют законодательству, общество обратилось в управление с заявлением об исправлении допущенных опечаток (ошибок) в заключении.

Управление отказало во внесении изменений, направив уведомление об отсутствии опечаток (ошибок). Общество оспорило данный отказ в арбитражном суде.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, отказал в принятии заявления к производству, указав, что уведомление не обладает признаками ненормативного правового акта, поскольку не содержит властных предписаний и не влечет самостоятельных правовых последствий для заявителя, в связи с чем не может быть предметом оспаривания в арбитражном суде.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и направил вопрос о принятии заявления на новое рассмотрение ввиду следующего.

По смыслу части 1 статьи 198 АПК РФ предметом оспаривания в арбитражном суде может быть ненормативный правовой акт органов, осуществляющих публичные полномочия, не соответствующий закону или иному нормативному акту и нарушающий права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В силу пунктов 8, 9 Правил № 384[45] заключение о согласовании деятельности является разрешительным документом, выданным уполномоченным государственным органом, на основании которого заявитель вправе вести соответствующую деятельность с учетом установленных ограничений. Административным регламентом, утвержденным приказом Росрыболовства от 11.11.2020 № 597, предусмотрена процедура исправления допущенных опечаток и ошибок в выданных заключениях. По результатам ее осуществления уполномоченный орган принимает одно из двух решений: выдает измененное заключение либо отказывает во внесении изменений и направляет ответ об отсутствии опечаток и (или) ошибок. Оба указанных решения являются итогом предоставления государственной услуги и влекут для заявителя правовые последствия.

В рассматриваемом случае общество, руководствуясь установленной процедурой, обратилось в управление с заявлением об исправлении ошибки, полагая, что содержащиеся в заключении ограничения противоречат законодательству. Управление отказало во внесении изменений, направив

---

[44] Далее – Росрыболовство, управление.

[45] Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2013 № 384 «О согласовании Федеральным агентством по рыболовству строительства и реконструкции объектов капитального строительства, внедрения новых технологических процессов и осуществления иной деятельности, оказывающей воздействие на водные биологические ресурсы и среду их обитания»; действовали на момент подачи заявления.

уведомление об отсутствии опечаток (ошибок). Данный отказ, по сути, подтвердил действие ранее установленных ограничений на проведение добычных работ, что создает препятствия для осуществления истцом предпринимательской деятельности и, следовательно, затрагивает его права и законные интересы.

Таким образом, уведомление об отсутствии опечаток и (или) ошибок обладает признаками ненормативного правового акта, подлежащего оспариванию в судебном порядке по правилам главы 24 АПК РФ.

Кроме того, судами не учтено, что избранный обществом способ защиты (оспаривание отказа о внесении изменений) является единственно возможным, поскольку оспаривание самого заключения (с пропуском срока) не приведет к восстановлению нарушенных прав, тогда как внесение изменений в заключение в установленном порядке направлено на корректировку его содержания без отмены документа в целом.

При таких обстоятельствах у судов отсутствовали основания для отказа в принятии заявления, в связи с чем вопрос о его принятии направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Споры, связанные с применением процессуального законодательства

19. В отмене обеспечительных мер в виде запрета на любые регистрационные действия с имуществом ответчика не может быть отказано исключительно по мотиву неразрешенности спора; суд должен проверить соразмерность абсолютного запрета применительно к конкретному регистрационному действию и ограничить его объем или отменить полностью, если снятие меры не создает риска утраты актива для кредиторов, но причиняет убытки заявителю или лишает его единственного способа защиты своих прав.[46]

Часть 2 статьи 90, часть 1 статьи 97 АПК РФ;

пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»[47].

В деле о взыскании убытков суд принял обеспечительные меры, запретив регистрирующему органу любые регистрационные действия в отношении объектов недвижимости, принадлежащих ответчику на праве собственности. Впоследствии ответчик обратился с заявлением о частичной отмене мер в связи с необходимостью государственной регистрации договора аренды нежилого здания, заключенного еще до введения обеспечительных мер с третьим лицом. Заявитель указывал, что сдача имущества в аренду

[46] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.12.2025 по делу № А50-229/2025.
[47] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 15.

является его основным видом деятельности, приносящим регулярный доход, а регистрация договора необходима арендатору для получения государственного целевого финансирования на производственные цели.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления, отметив, что спор о привлечении к имущественной ответственности не разрешен, оснований для отмены обеспечительных мер не имеется.

Суд апелляционной инстанции поддержал изложенный вывод, дополнительно указав на длительное бездействие арендатора, не предпринявшего попыток самостоятельно зарегистрировать договор до принятия обеспечительных мер.

Суд округа отменил обжалуемые судебные акты и удовлетворил заявление о частичной отмене обеспечительных мер, указав следующее.

Как следует из пунктов 33, 34 постановления Пленума ВС РФ № 15, обеспечительные меры могут быть отменены судом по собственной инициативе либо по заявлению лиц, участвующих в деле. Суд вправе отменить обеспечительные меры, в том числе если после принятия таких мер появились обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии необходимости их сохранения, если принятые меры стали несоразмерны заявленному требованию, нарушают права лиц, участвующих в деле, истребуемая денежная сумма внесена на лицевой (депозитный) счет суда или управления Судебного департамента в субъекте Российской Федерации, органа, осуществляющего организационное обеспечение деятельности мировых судей (часть 2 статьи 94 АПК РФ).

Рассматривая заявление об отмене обеспечения, суд должен повторно проверить наличие оснований, установленных частью 2 статьи 90 АПК РФ, оценить отношения на соответствие разумности и обоснованности требований заявителя о применении обеспечительных мер; вероятности причинения заявителю значительного ущерба при непринятии обеспечения; обеспечения баланса интересов заинтересованных сторон; предотвращения нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов, интересов третьих лиц.

В данном споре судам надлежало проверить соразмерность ранее принятых обеспечительных мер применительно к конкретному требованию об отмене запрета на регистрацию действующего договора аренды, юридическая действительность и государственная регистрация которого связаны с получением арендатором государственного финансирования.

Однако суды не исследовали вопрос о том, способна ли регистрация договора аренды сама по себе создать риск утраты актива для кредиторов, не оценили доводы о причинении ответчику реального имущественного ущерба и не обосновали, каким образом сохранение запрета в этой части соотносится с принципом соразмерности, закрепленным в части 2 статьи 90 АПК РФ.

Так, суд первой инстанции ограничился ссылкой на то, что основной спор еще не разрешен и основания для принятия мер не отпали, не оценив доводы о возможности частичного снятия запрета в части, не влекущей

выбытия недвижимого имущества из собственности должника и не ухудшающей положение кредиторов, но блокирующей хозяйственную деятельность арендодателя.

Суд апелляционной инстанции также не мотивировал вывод о соблюдении баланса интересов при сохранении полного запрета, сославшись только на отсутствие судебного акта по существу спора и пассивность арендатора в вопросе регистрации, частично подменив анализ соразмерности обеспечительных мер обстоятельствами, не связанными с вопросом риска утраты актива для кредиторов.

Между тем регистрация договора аренды, не предусматривающего выкуп имущества или его безвозмездную передачу, не влечет смены собственника актива и не создает реального риска невозможности исполнения будущего судебного акта. Интересы кредиторов обеспечены действующим запретом на отчуждение имущества, тогда как сохранение тотального запрета на регистрационные действия лишает ответчика основного источника дохода и лишает арендатора государственного финансирования, что нарушает баланс интересов сторон и свидетельствует о несоразмерности обеспечительной меры в оспариваемой части.

19.1. *В другом деле*[48] в рамках банкротства юридического лица суд применил обеспечительные меры в виде запрета уполномоченному федеральному органу в сфере интеллектуальной собственности[49] совершать любые юридически значимые действия, направленные на изменение существующего состояния охраны товарных знаков одного из предполагаемых контролирующих должника лиц (индивидуального предпринимателя), являющегося их правообладателем.

Третье лицо (общество), выступающее стороной по делу в другом судебном разбирательстве с ответчиком (индивидуальным предпринимателем) о принадлежности товарных знаков, еще до принятия обеспечительных мер подало в Роспатент возражение против предоставления им правовой охраны в административном порядке.

Роспатент приостановил рассмотрение возражений, указав на действующий запрет суда; попытки общества оспорить такой отказ в судебном порядке оказались безрезультатными, в связи с чем оно обратилось с заявлением об отмене обеспечительных мер, утверждая, что лишено единственного законного способа защиты своих прав на товарный знак.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявления об отмене обеспечительных мер, указав, что спор о привлечении к субсидиарной ответственности не разрешен, обстоятельства, послужившие основанием для принятия мер, не изменились, а отмена запрета способна привести к уменьшению имущества контролирующего лица, на которое

---

[48] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.12.2025 по делу № А76-23757/2020 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2026 № 309-ЭС21-18564 (9) отказано в передаче дела на пересмотр).

[49] Далее – Роспатент.

может быть обращено взыскание в пользу кредиторов. Суды также отметили, что стороны могут действовать согласованно в целях вывода актива, а суд апелляционной инстанции дополнительно сослался на длительное бездействие самого заявителя, не добившегося возобновления административной процедуры.

Суд округа отменил обжалуемые судебные акты, удовлетворил заявление общества и отменил обеспечительные меры, указав следующее.

В соответствии со статьей 1513 ГК РФ предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено по основаниям и в сроки, которые предусмотрены статьей 1512 названного Кодекса, путем подачи возражения против такого предоставления в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Установленная судом обеспечительная мера лишает третье лицо единственного предусмотренного законом способа защиты своих прав – обращения с возражением в Роспатент в порядке, предусмотренном статьей 1513 ГК РФ, поскольку ведомство не вправе возобновить рассмотрение возражений при наличии действующего судебного запрета на любые юридически значимые действия в отношении спорных товарных знаков, а иного механизма оспаривания незаконно предоставленной правовой охраны действующее законодательство не предусматривает.

Сохраняя запрет, суды необоснованно противопоставили абстрактный интерес кредиторов в сохранении актива законному праву третьего лица оспорить сам факт возникновения у ответчика титула на это имущество. Суды оставили без оценки то обстоятельство, что признание правовой охраны товарного знака недействительной означает ее отсутствие с момента регистрации, в связи с чем такое оспаривание не является формой отчуждения имущества или недобросовестного вывода актива.

При этом доводы о возможной согласованности действий сторон прямо опровергаются материалами дела, свидетельствующими о наличии между ними длительного корпоративного конфликта, возникшего задолго до банкротства и не затрагивающего интересы конкурсной массы.

Приведенные обстоятельства в совокупности указывают, что принятые меры перестали отвечать признакам соразмерности и обеспечения баланса интересов сторон, поскольку они нарушают права заявителя, оспаривающего права ответчика на товарный знак, и не направлены на реализацию целей института субсидиарной ответственности.

20. При прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска вследствие добровольного удовлетворения ответчиком заявленных требований после обращения в суд расходы истца по уплате

государственной пошлины подлежат отнесению на ответчика в полном объеме.[50]

Абзац третий подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ;

пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»[51].

В связи с ненадлежащим исполнением ответчиком обязательств по оплате поставленной электрической энергии истец обратился в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности и неустойки. После принятия искового заявления к производству ответчик погасил сумму основного долга в полном объеме, вследствие чего истец отказался от иска в соответствующей части и уточнил размер заявленной к взысканию неустойки.

Суд первой инстанции принял отказ от иска в части взыскания основного долга и прекратил производство по делу в указанной части, удовлетворив требование о взыскании неустойки.

Разрешая вопрос о распределении судебных расходов, суд исходил из того, что добровольное удовлетворение ответчиком заявленных требований после обращения истца в суд исключает возвращение истцу государственной пошлины из бюджета, в связи с чем влечет возложение соответствующих расходов на ответчика в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда первой инстанции в части взыскания расходов по уплате государственной пошлины, руководствуясь тем, что ответчик признал иск в отношении основного долга, в связи с чем в силу абзаца второго подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ истцу из федерального бюджета подлежит возврату 70% государственной пошлины, приходящейся на сумму основного долга, а с ответчика в пользу истца следует взыскать 30% государственной пошлины, приходящейся на сумму основного долга, и пошлину, приходящуюся на сумму неустойки.

Суд округа признал ошибочным вывод апелляционного суда относительно распределения судебных расходов и поддержал позицию суда первой инстанции ввиду следующего.

По смыслу абзаца третьего подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ, разъяснений пункта 26 постановления Пленума ВС РФ № 1 при прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд понесенные истцом расходы на уплату государственной пошлины подлежат возмещению за счет ответчика. Критерием отнесения указанных расходов на ответчика при добровольном удовлетворении им требований является факт удовлетворения требований после вынужденного обращения истца в суд.

В рассматриваемом случае погашение ответчиком суммы основного долга произведено после принятия искового заявления к производству,

---

[50] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2026 по делу № А76-41620/2024 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2026 № 309-ЭС26-2696 отказано в передаче дела на пересмотр).

[51] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 1.

в связи с чем суд первой инстанции обоснованно возложил на него обязанность по возмещению истцу расходов по уплате государственной пошлины. Последующее заявление ответчика о признании иска не изменяет того обстоятельства, что основанием для отказа истца от иска в части основного долга послужило именно добровольное удовлетворение его требований ответчиком, а не процессуальное заявление о признании иска.

21. Зачет государственной пошлины, возвращенной на основании определения суда, в счет уплаты государственной пошлины за подачу иного требования производится независимо от вступления указанного определения в законную силу.[52]

Пункт 6 статьи 333.40 НК РФ;
статья 187 АПК РФ.

Предприниматель, встречное исковое заявление которого возвращено определением суда первой инстанции, обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на данное определение. Определением апелляционного суда жалоба оставлена без движения в связи с отсутствием доказательств уплаты государственной пошлины и направления жалобы в адрес истца.

Во исполнение определения об оставлении жалобы без движения предприниматель представил доказательства направления жалобы истцу и заявление о зачете в счет уплаты государственной пошлины по апелляционной жалобе суммы пошлины, ранее возвращенной на основании определения суда первой инстанции о возврате встречного иска.

Определением суда апелляционной инстанции отказано в удовлетворении заявления о зачете государственной пошлины, апелляционная жалоба возвращена предпринимателю. Отказывая в зачете, апелляционный суд исходил из того, что определение о возврате государственной пошлины является обжалуемым судебным актом и на момент обращения с заявлением о зачете не вступило в законную силу.

Суд округа отменил определение апелляционного суда и направил дело на новое рассмотрение ввиду следующего.

По смыслу подпункта 2 пункта 1, пункта 6 статьи 333.40 НК РФ, пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 39 «О некоторых вопросах уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах» зачет возвращенной государственной пошлины возможен, когда: государственная пошлина уплачена за совершение аналогичного действия; государственная пошлина фактически не возвращена плательщику; на день обращения в суд не истек трехлетний срок со дня принятия соответствующего решения суда о возврате государственной пошлины из бюджета или со дня уплаты этой суммы в бюджет.

Статья 333.40 НК РФ не ставит возможность зачета государственной пошлины в зависимость от вступления в законную силу судебного акта, на основании которого она подлежит возврату. Более того, в силу статьи 187

[52] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.02.2026 по делу № А07-902/2025.

АПК РФ определение арбитражного суда исполняется немедленно, если иное не предусмотрено названным Кодексом или судом. В отношении определений о возврате государственной пошлины иное не установлено.

При таких обстоятельствах у суда апелляционной инстанции не имелось правовых оснований для отказа в удовлетворении заявления предпринимателя о зачете государственной пошлины, возвращенной определением суда первой инстанции.

Кроме того, апелляционным судом не учтено, что в случае отмены определения суда первой инстанции о возвращении встречного иска, принятия встречного иска к производству и его рассмотрения по существу вопрос о распределении судебных расходов, включая государственную пошлину, может быть разрешен судом первой инстанции.

Таким образом, у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для возвращения апелляционной жалобы, поскольку обстоятельства, послужившие основанием для оставления жалобы без движения, устранены предпринимателем в установленный срок путем подачи заявления о зачете государственной пошлины.

22. Отмена решения суда первой инстанции по процессуальному основанию (ненадлежащее извещение ответчика) и последующее удовлетворение иска судом апелляционной инстанции не изменяют итогового результата спора, в связи с чем судебные расходы ответчика на подачу апелляционной жалобы не могут быть возложены на истца и остаются на ответчике как на проигравшей стороне.[53]

Часть 1 статьи 110 АПК РФ.

Суд первой инстанции, рассмотрев дело в отсутствие ответчика, удовлетворил исковые требования.

Суд апелляционной инстанции, установив, что ответчик не был надлежащим образом извещен о времени и месте судебного заседания, отменил решение по процессуальному основанию и, рассмотрев дело по правилам суда первой инстанции, иск также удовлетворил.

При распределении судебных расходов апелляционный суд возложил на истца обязанность по возмещению ответчику расходов на уплату государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы.

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции в части взыскания судебных расходов, исходя из следующего.

В соответствии с частью 1 статьи 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Критерием присуждения расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного требования, отраженный в итоговом судебном акте, разрешающем спор по существу.

---

[53] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.01.2026 по делу № А60-70991/2024.

Итоговым судебным актом по настоящему делу является постановление суда апелляционной инстанции, которым иск удовлетворен. Таким образом, истец является стороной, в пользу которой принят судебный акт, а ответчик – проигравшей стороной.

Сам по себе факт отмены решения суда первой инстанции по безусловному процессуальному основанию не изменяет конечного результата рассмотрения спора и не наделяет ответчика статусом выигравшей стороны. Процессуальные нарушения, допущенные судом первой инстанции, не могут служить основанием для возложения на истца, чьи материально-правовые требования признаны обоснованными, обязанности по компенсации судебных расходов ответчика, поскольку это противоречило бы принципу возмещения расходов за счет неправой стороны. Следовательно, понесенные ответчиком расходы на уплату государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы остаются на нем как на лице, не в пользу которого разрешен спор.

23. При рассмотрении спора о взыскании убытков, связанных с поставкой товара ненадлежащего качества, суд не вправе немотивированно отказать продавцу в удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы, если между сторонами имеются разногласия относительно причин дефектов, поскольку такой отказ лишает ответчика возможности реализовать свои процессуальные права по представлению доказательств в обоснование своей позиции.[54]

Пункт 2 статьи 476 ГК РФ;
статьи 71, 82, 168, 170 АПК РФ.

Покупатель обратился в арбитражный суд с иском к поставщику о взыскании убытков, возникших в связи с поставкой оборудования ненадлежащего качества. В обоснование требований истец указал, что после приемки оборудования в процессе его эксплуатации обнаружены скрытые недостатки, которые не могли быть выявлены при обычной приемке, в связи с чем покупатель организовал осмотры с участием поставщика и проведение независимой экспертизы, установившей производственный характер дефектов, а также был вынужден арендовать аналогичное оборудование, понеся соответствующие расходы.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласилась апелляционная инстанция, удовлетворил заявленные требования в полном объеме. При этом суды отклонили ходатайство ответчика о назначении судебной экспертизы, указав на наличие в материалах дела заключения специалиста, представленного истцом.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение ввиду следующего.

В соответствии с пунктом 2 статьи 476 ГК РФ в отношении товара, на который продавцом предоставлена гарантия качества, продавец отвечает за

[54] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.02.2026 по делу № А60-50282/2024.

недостатки товара, если не докажет, что недостатки товара возникли после его передачи покупателю вследствие нарушения покупателем правил пользования товаром или его хранения, либо действий третьих лиц, либо непреодолимой силы.

В рассматриваемом случае ответчик, возражая против исковых требований, ссылался на то, что причиной выхода оборудования из строя могло являться нарушение правил его эксплуатации самим покупателем. В подтверждение своей позиции ответчик представил рецензию на заключение специалиста, а также заявил ходатайство о назначении по делу судебной экспертизы для установления причин возникновения недостатков.

Суд первой инстанции, выводы которого поддержала апелляционная инстанция, отказал в удовлетворении данного ходатайства. При этом в нарушение требований статей 71, 82, 168, 170 АПК РФ суд не привел мотивов, по которым он отверг доводы ответчика, не обосновал отсутствие необходимости в использовании специальных знаний для разрешения возникших разногласий относительно причин дефектов, а также не дал оценки тому обстоятельству, что представленное истцом досудебное заключение не является бесспорным и оспаривается процессуальным оппонентом.

Отказ в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы, равно как и принятие судебного акта исключительно на основе досудебного исследования, проведенного одной из сторон, без оценки его допустимости и достоверности в совокупности с иными доказательствами и без предоставления другой стороне возможности реализовать право на опровержение выводов такого исследования посредством заявления ходатайства о судебной экспертизе, лишает ответчика права на состязательное правосудие и не может быть признан законным.